

БЫЛИНА

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ
И
АЛЕША ПОПОВИЧ

РФ
Д57

Художник В. Лукьянец

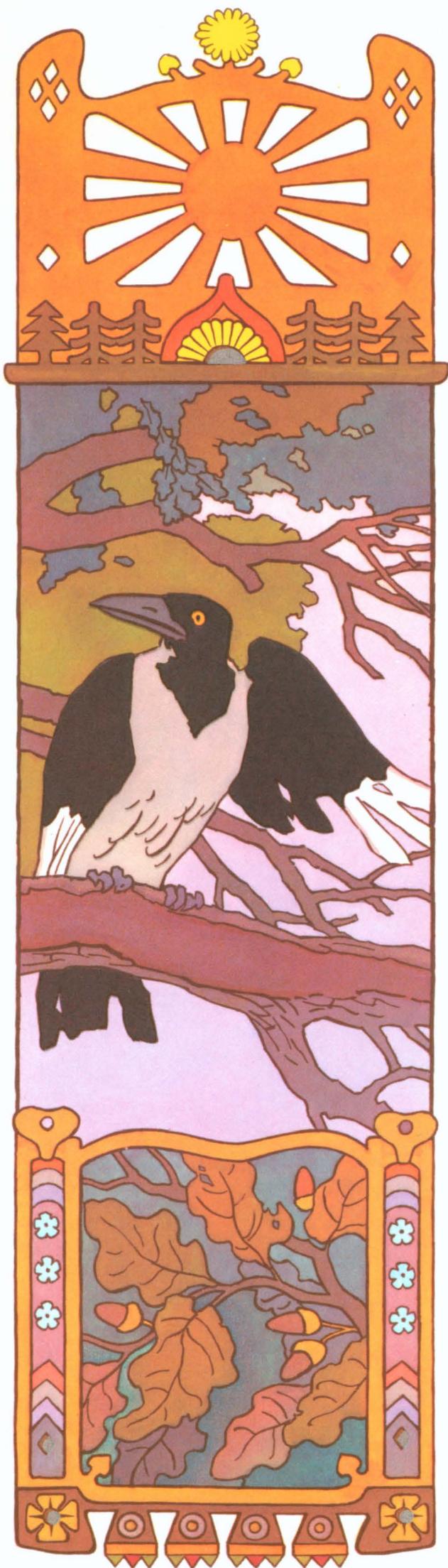
ДОБРЬНЯ НИКИТИЧ
И
АЛЕША ПОПОВИЧ

Как молодой Добрынюшка Никитинец,
Он ходил-гулял по чисту́ полю,
Приезжал Добрынюшка к сыру́ дубу́.
Как сидит-то ведь тут на сырóм дубу́,
Сидит-то еще сидит черный вран.
Как тут этот Добрынюшка Никитинец
Натягивал скоро свой он ту́гой лук,
А клал стрелочку каленую,
А хочет он стрелить тут черна вóрона.
Ворон тут ему спроязычился
А тем-этим языком человеческим:
— Да ай же ты, Добрынюшка Никитинец!
А не убей меня, черна вóрона,
Я тебе скажу, все порасскажу.
Как во Киеве ребята есть, говорят:
Старца-то убить есть не спасение,
Как вóрона-то стрелить — не корысть будет получить:
Сизым перьем ворониным не натешиться,
Мясом те моим не наестися! —

Как у того было да у вóрона
Под конец-то крылья были белые.
Как говорит-то вóрон таковы слова:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитинец!

А я тебе скажу, все порасскажу.
Поезжай ты на гору на высокую
А на тое шеломя́ на иска́тное,
А там-то есть три чудушка три чудных,
Там-то есть три дивушка три дивных:
Как первое там чудо белы́м-бело́,
А другое-то чудо красны́м-красно́,
А третье-то чудо черны́м-черно́. —

Как тут этот Добрынюшка Никитинец,
Как скоро молодец сам пораздумался,
Говорит тут ворону: — Это правда есть;
А старца ведь убить будет не спасение,
Во́рона стрелить — не корысть будет получить:
А сизым вороненым перьем мне-ка не натешиться,
Мясом мне его не наестися. —

Как опускал Добрынюшка свой ту́гой лук,
А вынимал он стрелочку каленую,
Сам-то он еще тут пораздумался:
„А лучше я поеду что на гору на высокую,
На тое шеломя́ я на иска́тное,
Глядеть-то там три чуда я три чудных,
Глядеть-то я три дивушка три дивных“.

Как скоро он приправливал добра́ коня,
Тут скоры́м-скоро́, ско́ро да скорёшенько
Ехал он на гору на высокую
А на тое шеломя́ на иска́тное.
Как смотрит тут Добрынюшка Никитинец:
Как стоит тут шатер белополо́тняный.
Как у шатра замок был булатный,
На замке тут подпись подписана:
„Кто во шатер еще сюда зайдет,
Тот из шатра жив да не уйдет“.

Как разгорелось его сердце богатырское,
Ударил кулаком по замку-то он,
Отпал замок ведь тут на сыру землю.
Смотрит тут Добрынюшка Никитинец,
А там в шатре столы были расставлены,
Там в шатре да яства разложены.

Как он-то, тот Добрынюшка Никитинец,
Не столько молодец да ведь ел-то, пил,

А сколько молодец он тут наземь срыл,
А пролил молодец, во ногах стоптал,
А сам молодец он да спать-то лёг.

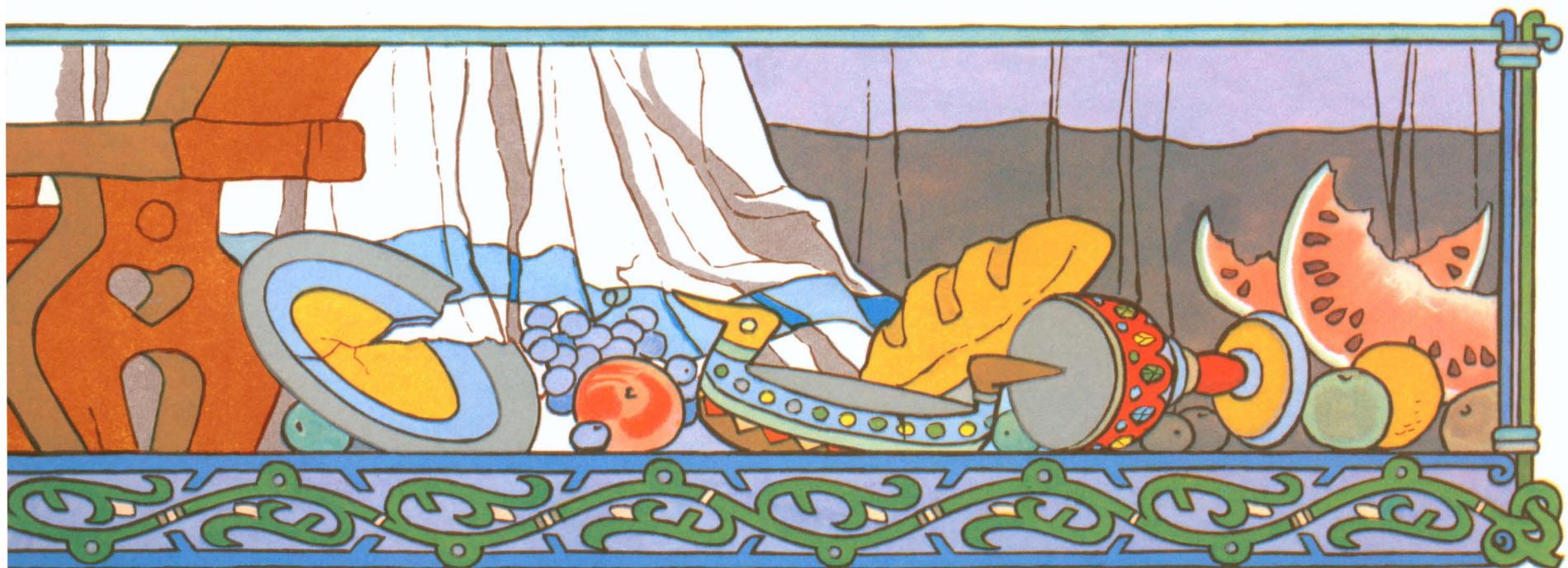
А спит он, молодец, прохлаждается,
А над собой невзгодушки не ведает.

Из далеча тут ведь, из чиста́ поля,
А приезжает Алеша сын Попович был,
А смотрит тут Алешенька на чудо-то:
Не столько ведь да выпито да съедено,
Сколько пролито да срыто, в ногах притоптано.

А тут-то ведь Алеша разретивился,
А разгорелось его сердце богатырское,
Занес-то он остро́ копье острым концом,
Хотел он ударить Добрынюшку в белу грудь,
Затем-то он, Алешенька, раздумался:

„Не честь-то мне, хвала да молодецкая
А бить-то мне-ка сонного, что мертвого!
А лучше сяду на добра́ коня Добрынина,
А буду биться, стану я драться-ратиться
Со тым с Добрынюшкой с Никитичем“.

Садился тут Алеша на добра́ коня,
А на того добра́ коня Добрынина.

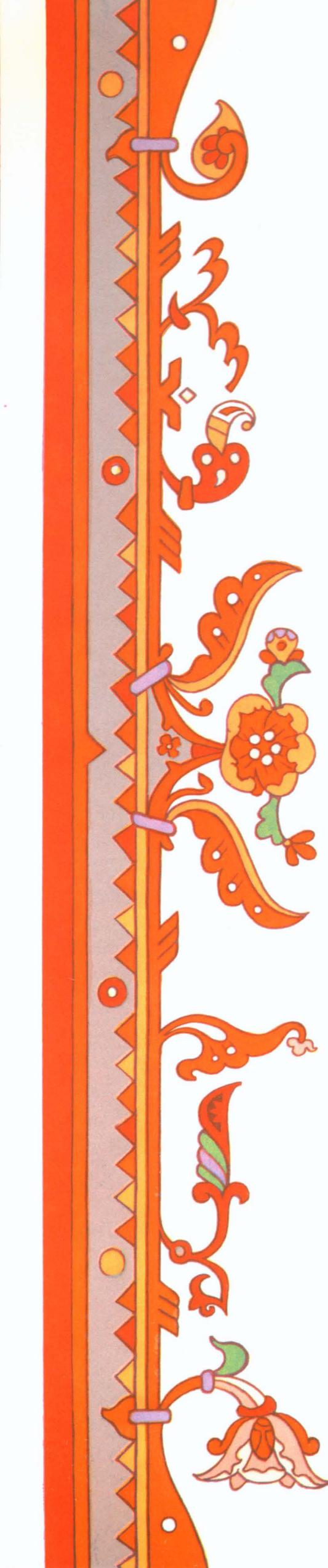

Как ударил он Добрынюшку тупым концом,
Тупым концом ударил да остра́ копья.

Ото сна богатырь пробуждается,
На улицу тут скоро пометается.
Выскакал он в тонких белых чулочках без чоботов,
А в тонкой белой рубашке без пояса.
Да тут Добрынюшка Никитинец
А ухватил он свою палицу богатырскую,
Как начали тут драться они, ратиться.
Добрынюшка поскакивает пехотою,

Алешенька ездит на добром коне,
А на том на добром коне Добрынином.

Как день бьются они тут не едаючи,
Ночью бьются они да не пиваючи.
Как другой день бьются они и другую ночь,
Отдыха-то ведь тут им не дается.
А третий день бьются и третью ночь,
От них пошел-то тут еще стук да гром,
А стала мать земелюшка подрагивать.
Как этот стук да гром услышал-то ведь
А старый казак тут Илья Муромец.
Как сидит Ильюшенька, сам думает:
„А и это есть русские богатыри,
Где-нибудь дерутся они, ратятся!“

Как скоро тут Ильюшенька седлал добра коня,
Кладывал он подпруги на подпруги,
А клал потнички на потнички,
Клал войлочки на войлочки,
А клал седёлко на седёлышко,
Черкасское седёлко наверх еще,
Да эти подтяжечки шелковые,
Кладывает, сам выговаривает:
— А не для-то мне, братцы, красы-басы,
А не для-то ведь было ужо жества —
Для укрепы мне богатырской-то. —

Как видели что ведь молодца да сядучи,
Не видели тут удалого поедучи,
Не знают, во кою сторону уехал он.

Как ехал тут Ильюша на круту гору,
На тое-то шеломя́ искатное,
Да тут дерутся два русских богатыря:
Молодой Добрынюшка Никитинец

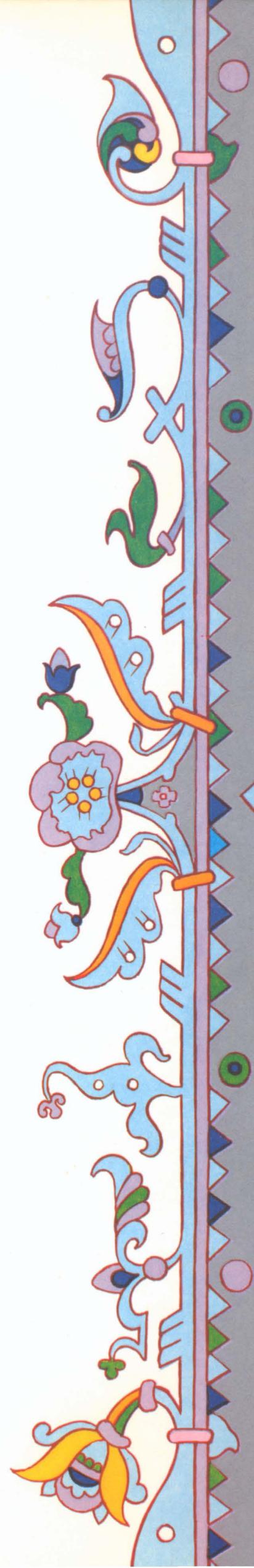
А смелый Алешенька Попович-то.

Как захватил Ильюшенька Добрыню во праву́ руку,
Алешу захватил сам во левую,
А закричал Ильюша во всю голову:
— Ай же вы, российские могучие богатыри!
А вы зачем деретесь да ратитесь? —

Как говорит Алеша таковы слова:
— Ах ты, старый казак Илья Муромец!
Да как-то мне не драться, не ратиться?
Как у меня в шатре были столы расставлены,
У меня-то яства все разложены,
Как этот-то Добрынюшка Никитинец
Не столько он, Добрынюшка, да съел, выпил,
А сколько он тут пролил да на́земь срыл,
На́земь срыл Добрыня, во ногах стоптал.
А мне-ка молодцу того-то жаль! —

Говорит Ильюша таковы слова,
Говорит Добрынюшке Никитичу:
— Да ах же ты, Добрынюшка Никитинец,
Крестовый брат ты мой да названный!
А ты зачем дерешься да ратишься?

— Ах ты, брат мой крестовый названный,
А старый казак ты Илья Муромец!
Как же мне не драться да не ратиться?
Как у него, у пса, у разбойника,
Фальшивая да надпись написана:
„Как кто в шатер сюда еще зайдет,
Тот из шатра да жив тут не уйдет“.
А я хочу-то жив да повыйти есть. —
А ино ведь-то тут еще Ильюша вопроговорит:
— А укротите вы да сердце богатырское,
А назовитесь вы да братьями крестовыми! —

А он их улестил тут, уговорил,
Да тут они не стали больше биться-ратиться,
Укротили сердце богатырское,
Как тут они крестами побратались,
Назвались братьями крестовыми:
Добрынюшка назвался да бо́льший брат,
Алешенька назвался меньшо́й ему.
Как тут разошлись, поразъехались.

Как тут-то на стольный-от город как на Киев-град
Наезжали тут поганые вороги,
Одолели, что ль, поганые татарева.
На ту пору было, на то времечко
Богатырей там дома не случилось,
Случились только два русских два богатыря:
А молодой Добрынюшка Никитинец,
Смелый-то Алешенька Попович был.

Как говорит Добрыня таковы слова:
— Ах же ты, Алеша сын Попович был!
Седлай-ка ты своего добра коня,
Поедем мы с тобой во чисто́ поле,
А станем бить поганых татаровей! —

Как скоро тут Добрынюшка седлал добрых коней,
Поезжает Добрыня, сам наказывает:

— Ах же ты, моя молода жена,
Да нунь ты, Настасья Микулична!
Уеду я ведь нунь во чисто поле.
Как пройдет поры-времечка три года,
А жив-то я сюда не появлюсь еще,
Да тогда ты хоть вдовой живи,
А хоть ли ты тут да замуж поди,
Только ты не ходи-ка за Алешеньку Поповича,
А Алеша мне крестовый брат! —

Как видели молодца сядучи,
Не видели удалого поедучи.

Как тут этот Добрынюшка Никитинец
А с тем, с этим Алешенькой Поповичем
Ехали они тут во чисто поле.
Приправливал Добрынюшка добра коня,
Заехал в эту силушку в середочку,
Как начал бить ту силу татарскую.
Прибил-то тот Добрынюшка Никитинец
Как эту он силу всю в три часа.
Как смотрит он брата крестового,
А того Алешеньку Поповича,
А смотрит он, глядит, думу думает:
„А видно, нет жива да брата-то крестового,
А смелого Алешеньки Поповича“.
Как ино ведь тут сам Добрынюшка раздумался:
„А видно, есть путь-дорога хорошая“.

Как тут-то он поехал что за славно за синё морё.
А Алешенька убит не был.

Прошло тут поры-времечка три года.
Как тут этот Алешенька Попович сын

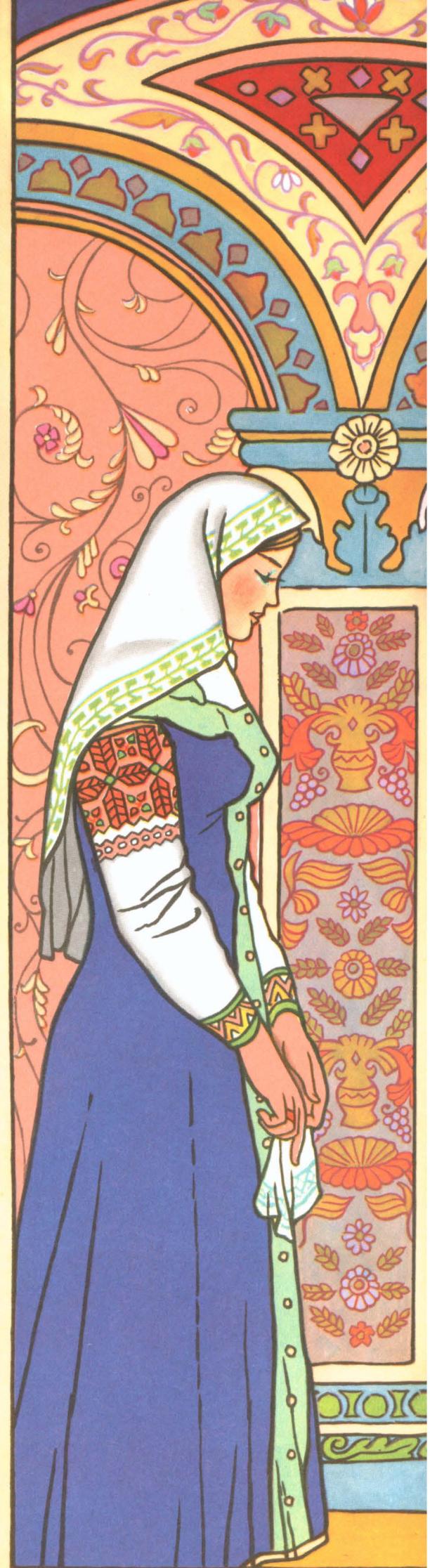
Приходит к Настасье Микуличне:
— Да ах ты, Настасья Микулична!
Да я вчера гулял на чистом полé,
А видел я Добрынюшку убитого.
Лежит-то он головушкой в ракитов куст,
А резвыми ногами да во ковыль-траву.
Поди ты, Настасья, за меня замуж! —

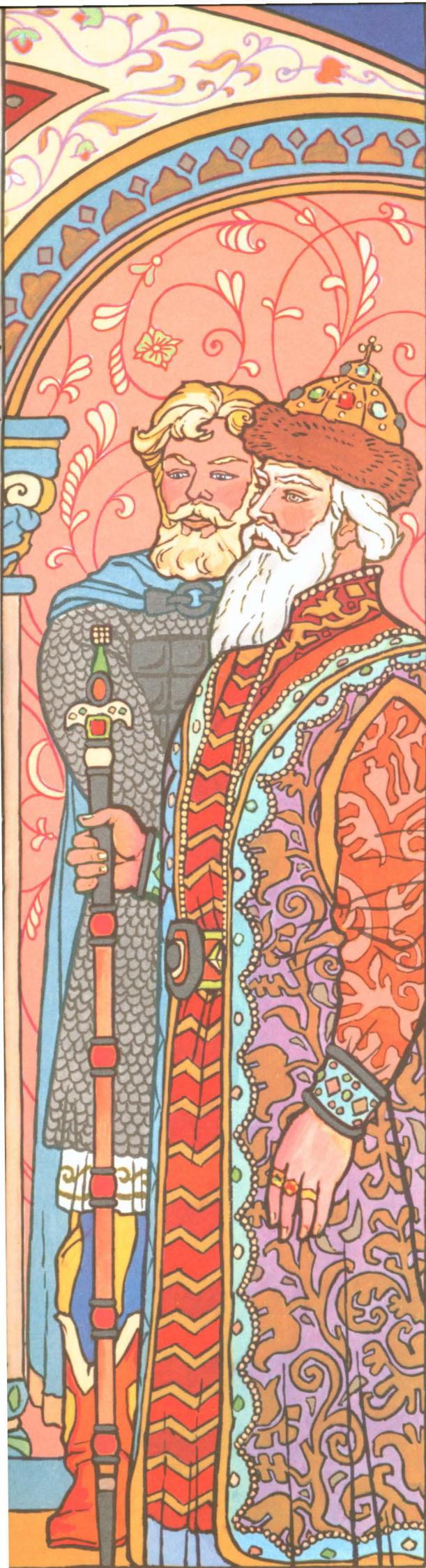
Как говорит-промолвит таковы слова
А та Настасья Микулична:
— Ай же ты, Алешенька Попович сын!
Исполнила я заповедь мужнюю,
Прошло нунь поры-времечка три годá;
Исполню я-то заповедь свою еще.
А пусть-ка станет поры-времечка шесть годов,
Только тут я ведь замуж пойду. —

Опять прошло тут времечка три годá.
Как начал тут Алешенька похаживать
А со тем со князем со Владимиром:
— Да ах ты, Настасья Микулична!
А я вчера гулял на чистом полé,
А видел — у Добрынюшки косточки растасканы! —

Как и тут та Настасья Микулична
Тут она еще пораздумалась:
„Исполнила я заповедь мужнюю,
Исполнила я заповедь свою-то я,
А нет жива́ Добрынюшки Никитича,
А не видать сюда его, не появится!“
Пошла тут за Алешеньку Поповича.

А как там Добрынюшка Никитинец
За тем за славным за синим морём,
А там он-то, Добрыня, на чистом полé,
Во чистом полé Добрынюшка, в белом шатре,

А сам он, молодец, забавляется,
Играет он в доски-то шахматны,
А в дороги тавлеи золоченые,
А над собой невзгодушки не ведает.
Как тут-то ведь его молода жена,
А та Настасья Микулична,
Как тут она да замуж пошла
А за того Алешеньку Поповича.

Как налетал тут голубь с голубкою
А ко тому к Добрынюшке к Никитичу,
Садилась на шатер на окошечко,
Начал голубь по окошечку похаживать,
А начал он тут, голубь, погуркивать,
Начал он затем выговаривать:

— Ах же ты, Добрынюшка Никитинец!
Играешь ты во доски во шахматы,
В дороги тавлеи золоченые,
А над собой невзгодушки не ведаешь.
Как есть-то ведь твоя молода жена,
Молода жена любимá семья,
Как есть-то ведь уж нúnечу замуж пошла
За того Алешку за Поповича. —

Вскочил тут Добрыня на резвые ногí,
Со той со досады со великой-то,
Как бросил эту доску он шахматную
О ту о матушку о сырú землю —
Мать-то что земелюшка дрогнула.
А выходил тут Добрыня со белá шатра,
А сам скоро седлал он добрá коня,
Седлал-то он коня и выговаривал:
— Ай же ты, мой ведь уж добрый конь!
Как нес меня сюда да ты три́ годá,

Неси-ка нунь домой меня в три-то дня
Во стольный-то как город во Киев-град. —

Садился сам скоро на добра коня,
Скорым-скоро, скоро-скорёшенько,
Поехал тут Добрыня из-за синя моря.
Пошел тут, поскакал его добрый конь,
Реки, те ли озёра перескакивал,
А темный он тот лес промеж ног пускал,
А синее-то море на окол бежал.
Пришел-то, прискакал его добрый конь во три-то дня
Во стольный-то во город во Киев-град.
Соскочил тут Добрыня со добра коня,
Насыпал коню тут пшени белояровой,
А скоро сам он шел по новым сеням.

Заходил в свою в горенку во новую,
А крест он клал по-писаному,
Поклон-то уж вел по-ученому
На все тут на четыре сторонушки,
А родной своей матушке в особину:
— Ай здравствуй-ка, моя ты родна матушка! —

Матушка, она тут прослезилася,
А матушка, она тут порасплакалась:
— Ах же ты, удалый добрый молодец!
А что ты над старушкой насмехаешься? —

Как говорит Добрыня таковы слова:
— Видно, матушка, ты меня не узнала есть. —
Она опять на то ему ответ держит:
— Ах же ты, удалый добрый молодец!

Неси ты мне гусёлышки яровчаты.
Я пойду к Алеше на почестный пир,
На ту на свадебку великую. —

Как тут-то ведь старушка скорым-скоро
Бежала как во погреба глубокие,
Взимала там гусёлышки яровчаты.
Идет она, старушка, подпирается,
Подавает Добрынюшке гусёлышки.
Взимает тут Добрынюшка Никитинец
А те-эти гуселки яровчаты,
Сам скоро Добрынюшка справляется,
А скоро молодец наряжается
Скорой малой смелой скоморошиной.

Приходил Добрыня на почестный пир
А на то столованье на великое.
Становился тут Добрыня ко порогу-то,

Повел он по гусёлышкам яровчатым,
Заиграл Добрыня по-уныльному,
По-уныльному, по-умильному.
Как все-то ведь уж князья и бояре-то,
А те-эти российские богатыри,
Как все они тут призаслушались.

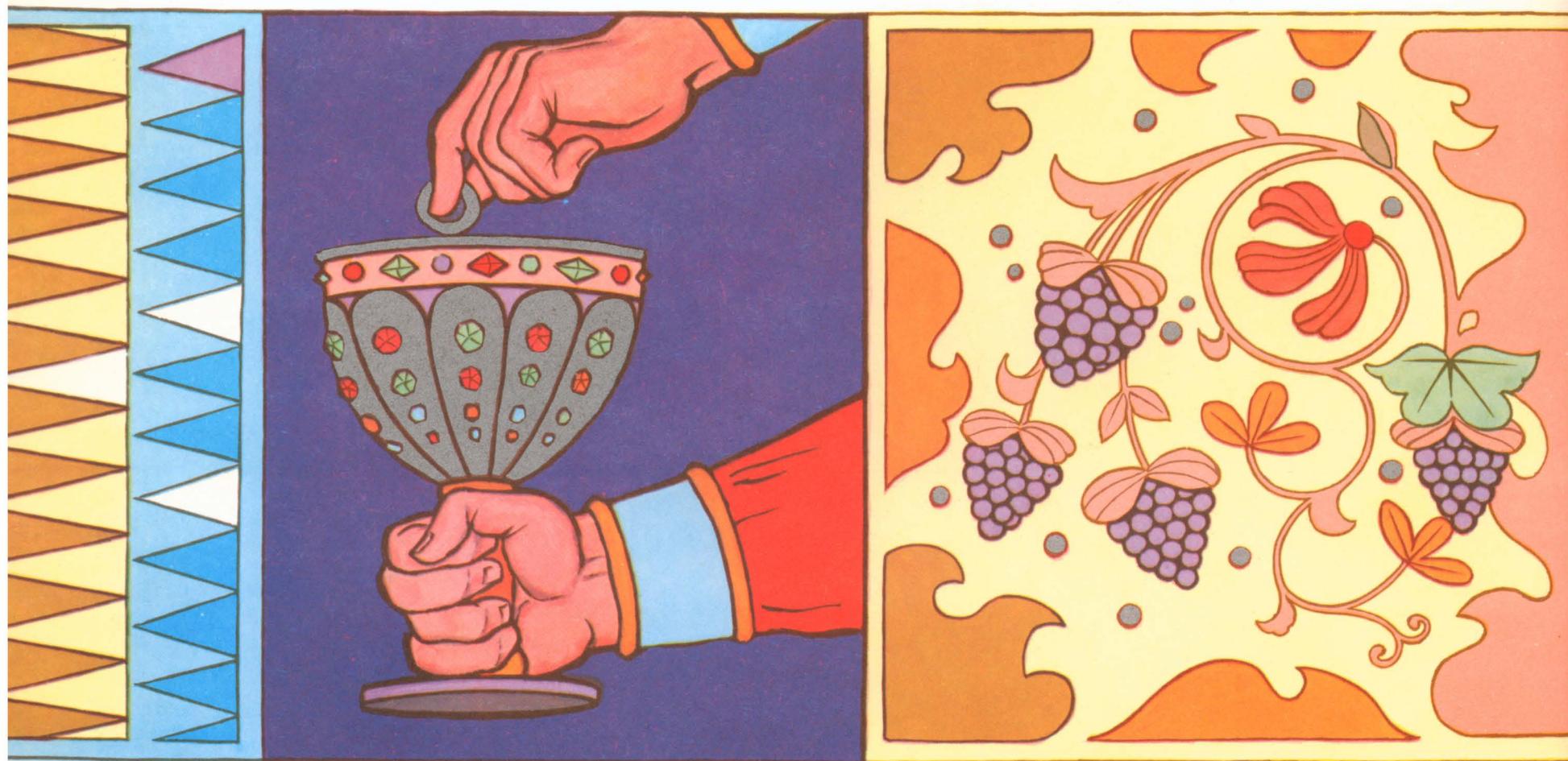
Затем заиграл Добрыня по-веселому.
Стало красно солнышко при вечере,
А стал-то тут почестный пир при вёселе.
Как все они затем тут расскакалися,
Как все они затем ведь расплясалися,
А скачут-пляшут все промежү собой,
А ничего они тут не ведают.

Как говорит тут князь стольно-киевский:
— Да ай же ты, удалый добрый молодец!
Не знаем мы тебе да ни имени,
Не знаем мы тебе ни изотчины.
Царь ли ты есть ли, царевич здесь?
Аль король ты да ведь королевич есть?
Али с тиха Дона ты донской казак?
Аль грозный есть посол ляховитский?
— Не царь-то я ведь, не царевич был,
А не король-то я, не королевич был,
Не есть я с тиха Дона донской казак,
Не грозный я посол ляховитский.
Как есть-то я из-за славна из-за синя́ моря
А скоро мала смела скоморошина. —

Как князь-то тут ему воспрого́ворит:
— Ах скоро мала смела скоморошина!
А чем-то нам тебя буде жаловать
А за эту игру умильную?
Города ль тебе надо с пригородками?
Али села да надо со приселками?
Али много надо бессчетной золотой казны? —

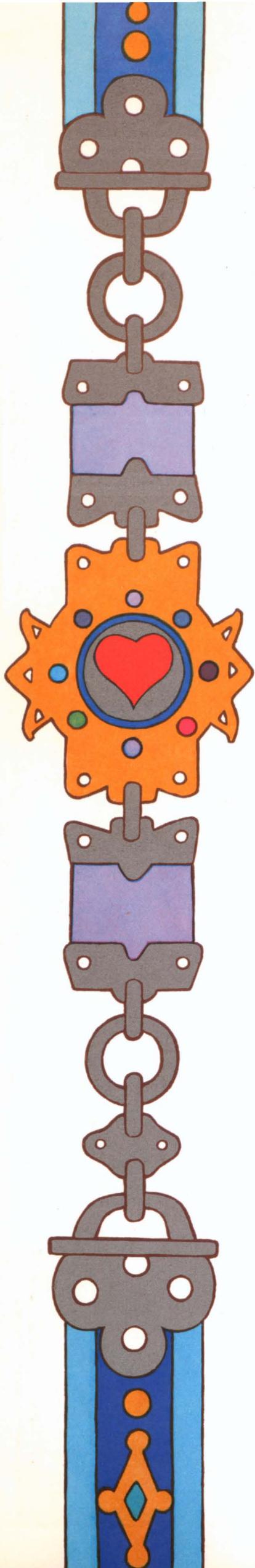
Как он-то ведь на то им ответ держит:
— Да ах же ты, да князь стольно-киевский!
Не надо мне городов с пригородками,
Не надо мне-ка сел-то с приселками,
Не надо мне бессчетной золотой казны,
А у меня своей есть дóлюби.
А только вы мне позвольте-ка,
Налейте мне-ка чару зеленá вина. —

Как тут-то ему князь воспрогóворит:
— Скора мала смела скоморошина!
Что угодно-надо, то мы сделаем. —

Как налили тут чару зеленá вина,
Подносят тут Добрынюшке Никитичу.
Как этот-то Добрынюшка Никитич-то

Опустил-то он туда свой злачен перстень,
Каким перстнем они обручались
Со той с Настасьей с Микуличной.
Подносит эту чашу княженецкую
А той да Настасье Микуличне,
Подносит, сам Добрынюшка спроговóрит:
— Ай ты, Настасья Микулична!
А пей-ка ты чару зеленá вина
От малой смелой скоморошины.
А пей-ка ты до дна — так увидеть добра,
А не пьешь до дна — так не видать добра. —

Она тут, Настасья Микулична,
Маленько же она тут догадалась.
А не столько пила, остатки нáземь лила.
Как взглянет в эту чашу княженецкую,
Ажно там лежит да злачен перстень.
Как смотрит-то она на перстень тут,
А на перстне подпись подписана:
Этим перстнем они обручались
Со тем со Добрынюшкой с Никитичем.
Как тут-то да Настасья Микулична
А и выскочила из-за стола княженецкого,
Как говорит она тут таковы слова:
— Не тот-то ведь муж, кто подле меня,
А тот-то ведь муж, кто насупрóтив меня! —

Кланяется Добрыне, поклоняется,
Сама она ему извиняется:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитинец!
Исполнила заповедь твою-то я,
И другую исполнила, свою-то я,
А тогда ведь я тут замуж пошла
А за того Алешку за Поповича. —

Как говорит Добрынюшка таковы слова:
— Да ай же Настасья ты Микулична!
Когда ты исполнила да заповедь свою,
За твою я заповедь тебе прощу. —

Как тут затем Добрынюшка Никитинец
Хватил-то он Алешу за желты кудри,
А выдернул с кармана плетъ шелковую,
Как начал он Алешку ею чествовать,

А начал он хлыстать ею Алешеньку,
А бьет-то он тут, хлыщет, выговаривает:
— А каково, Алешка, тебе жениться здесь,
От живого мужа жену отлучать? —

Как клянется Алешка, проклиняется:
— А будет трижды проклят на веку тот,
Кто станет-будет эдак-то жениться,
От живого мужа жену отлучать! —

Как со стыда со срама со великого
А тут этот Алешенька Попович-то
Уехал он безвестно, не знают где.

Текст былины печатается по изданию:
«Былины», издательство «Детская литература», Москва, 1969 г.

Художественный редактор *О. М. Абрамов*
Технический редактор *Т. Е. Полигова*
Корректоры *Н. Н. Селиванова, В. М. Волегова, Н. К. Урахова*

Сдано в набор 01. 02. 79. Подписано в печать 21. 05. 87. А 08506.
57×108/6. Бумага карточная Краснокамской бумажной
фабрики Гознака. Гарнитура шрифта — латинский светлый прямой.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,31. Доп. тираж 400 000 экз. Заказ 135510.
Цена 1 руб. 20 коп.

Гознак. 113162, Москва, М-162, Мытная, 17.

Пермская ордена Трудового Красного Знамени печатная фабрика Гознака.
614600, Пермь, ГСП, шоссе Космонавтов, 115.

Цена 1 руб. 20 коп.

